

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.Н. Глубоковский

**Вера по учению
св. апостола Павла:**

**по поводу сочинения «Учение св. апостола Павла
о вере». Протоиерея Иоанна Беляева**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1902. № 5. С. 686-715.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Вѣра по ученію св. апостола Павла.

(По предмету сочиненія: Ученіе св. Апостола Павла о вѣрѣ. Протоіерея Іоанна Бѣляева, преподавателя (?) пятигорской прогимназіи. Въ трехъ частяхъ [но въ одной книгѣ]. Москва 1900. 482 стр. Ц. 1 р. 50 к. на простой бумагѣ и 2 р. на веленевой.)

Объ этой книгѣ въ русской богословской литературѣ пока извѣстно только то, что она издана съ безпримѣрною неисправностію и неряшливою небрежностію. Это уже съ убѣдительностію раскрыто на страницахъ (459 — 460) „Христіанскаго Чтенія“ (въ сентябрьской книжкѣ за 1901-й годъ): тамъ былъ названъ и главный виновникъ такой предели въ московскомъ книгопродавцѣ Г. Т. Бриллиантовѣ, который здѣсь подтвердилъ свою невысокую репутацію по этой части ¹⁾, хотя не снимается отвѣтственность и съ автора. Дѣйствительно, въ типографскомъ отношеніи изданіе до крайности плохо. Русскій текстъ переполненъ самыми разнообразными типографскими погрѣшностями, но о. І. Бѣляевъ любитъ выписки въ подлинникахъ, и тутъ часто совсѣмъ невозможно разобратъся. Особенно изобилуютъ греческія выдержки, гдѣ опечатки преобладаютъ въ такой степени, что даже хорошо знакомое оказывается почти непостижимымъ ²⁾. Когда приводятся еврейскія слова ³⁾, то получаются прямо феноменальныя начертанія неестественно курьезнаго свойства. Ко всему этому — отсутствіе хотя бы краткаго оглавленія весьма затрудняетъ пользованіе, а затѣмъ авторъ, подражая велемудрой и потому неумной манерѣ, относитъ всѣ примѣчанія въ общій отдѣлъ ⁴⁾ съ особымъ

¹⁾ По словамъ „Волгара“ нѣкоторые любопытныя свѣдѣнія объ этомъ книгопродавцѣ сообщались, напр., въ №-рѣ 9170 „Новаго Времени“ за 14-е сентября 1901 г. (пятница) на столбцѣ 2-мъ страницы 3-й.

²⁾ См., напр., стр. 111 сл.

³⁾ См. стр. 128, 129, 192 и 196.

⁴⁾ Стр. 415—466.

порядковымъ счетомъ для каждой главы во всѣхъ частяхъ, на протяжении книгъ последовательно идутъ еще цифровые параграфы—съ начала до конца. При такихъ условіяхъ весьма не легко по тексту отыскать примѣчанія, обратное же иногда едва удается послѣ долгихъ усилій. Чтеніе подобной книги является тяжелымъ подвигомъ, который не всегда увѣчивается успѣхомъ. Все это истинно и глубоко прискорбно, однако мы не считаемъ возможнымъ теперь ограничиться чисто внѣшней характеристикой, ибо предметъ слишкомъ высокъ и заставляетъ ознакомиться съ самымъ содержаніемъ интересующей книги. Войдемъ въ подробности ученыхъ ея выискиваній.

На вѣрѣ въ Господа Искупителя созидалось все христіанское бытіе св. Павла и для св. Павла, а съ понятіемъ вѣры—оправдывающей и спасающей—существенно связывается все богословствованіе апостола языкомъ. Поэтому важность изслѣдованія даннаго апостольскаго ученія самоочевидна и неоспорима. Въ этомъ смыслѣ высказывается и о. протоіерей Бѣляевъ, хотя мотивируетъ свое положеніе рефератами частію отдаленными для специальной темы и частію слишкомъ общими⁵⁾, преувеличивая трудность вопроса до степени „неудобовразумительности“, засвидѣтельствовавшей во 2 Петр. III, 16⁶⁾. Но во всякомъ случаѣ для успѣха и плодотворности работы здѣсь главнѣе всего точное и правильное выясненіе самой задачи. На этотъ счетъ авторъ выражаетъ сожалѣніе, что нѣтъ догматическаго „вселенскаго“ опредѣленія вѣры, почему возможны и встрѣчаются частныя мнѣнія. Въ устраненіе и въ замѣну односторонности послѣднихъ онъ желаетъ достигнуть „общаго опредѣленія вѣры на основаніи всѣхъ произведеній“ Павловыхъ, когда приобрѣтается обязательная полнота, и ради этого „все вниманіе будетъ преимущественно обращено на установку новозавѣтныхъ понятій изъ общаго хода идей Апостола“⁷⁾. Все эти разсужденія не совсемъ отчетливы уже потому, что протестантству, католицизму и православію усвояются различныя воззрѣнія по настоящему предмету, который для всѣхъ ихъ является, видимо, не настолько неопредѣленнымъ. Наряду съ этимъ и самъ о. І. Бѣляевъ трактуетъ лишь о понятіи и такимъ образомъ почитаетъ вѣру апостольскую какою-то догматически-теоретическою проблеммой отвлеченнаго характера. Этимъ вызывается естественное недоумѣніе, что благовѣстникъ оставилъ безъ надлежащей формулировки свое ученіе о вѣрѣ, если это было первѣйшимъ догматическимъ членомъ апостольскаго исповѣданія, къ которому вѣдь нельзя было бы и привлекать другихъ, коль скоро оно отличается туманностію и не имѣетъ

⁵⁾ Стр. 3.

⁶⁾ Стр. 4.

⁷⁾ Стр. 4—7.

строгий очертаи. Однако констатируется, что у апостола не находится опредѣлений вѣры ⁸⁾, и все исчерпывается описаніями, граничащими съ намеками ⁹⁾. Въ оправданіе сего авторъ приводит свои соображенія, но о нихъ мало сказать, что они неубѣдительны, разъ мы читаемъ ¹⁰⁾, что св. Павелъ долженъ былъ воздерживаться отъ формальныхъ опредѣленій, ибо они были бы плодомъ мудрости мірской, между тѣмъ она осуждалась въ качествѣ „безумія“... Не менѣе того неосновательно и другое разсужденіе, яко бы все это раскрывается изъ 1 Тим. III, 9 ¹¹⁾, поскольку „храненіе въ чистой совѣсти“ вовсе не означаетъ укрывательства отъ вѣдѣннхъ и „тайнство вѣры“, конечно, ничуть не совпадаетъ съ теоретическимъ опредѣленіемъ. Въ равной мѣрѣ сомнительно новое утвержденіе, что благовѣстнику „не было цѣли теоретически анализировать вѣру и указывать ея составные элементы“ въ виду обращенія со своею проповѣдью ко всѣмъ вѣрующимъ, а не къ премудрымъ только ¹²⁾, хотя именно первые всегда и болѣе всего нуждаются въ отчетливой опредѣленности, какъ въ этомъ убѣждаетъ вся исторія символовъ съ ихъ формулированной общеобязательностію. Не смотря на это, о. I. Вѣлиевъ энергически настаиваетъ, что разумѣемыхъ опредѣленій „не должно искать“ ¹³⁾ и „нельзя даже и предполагать“, опять выдвигая аргументы крайне своеобразные, что 1) апостолъ былъ сыномъ своего времени и претензія находить у него теоретическіе (авторскіе) выводы будетъ требованіемъ невозможнаго, что 2) св. Павелъ „былъ вовсе не сторонникомъ человѣческой мудрости“ и потому въ своихъ посланіяхъ не могъ „пользоваться приемами порамленныхъ сильныхъ міра“, что 3) онъ почерпалъ свое вѣдѣніе путемъ „восхищеній“, и „недостаточность обыкновеннаго слововыраженія не могла дать ему возможности опредѣленій по отношенію къ сущности христіанства“ ¹⁴⁾. Все это говорится достаточно напрасно и мало помогаетъ рѣшенію задачи. Впрочемъ, для нашихъ ближайшихъ интересовъ дорого собственно лишь признаніе, что въ апостольскихъ писаніяхъ нѣтъ желательныхъ полныхъ опредѣленій, а преобладаютъ частныя ¹⁵⁾. По этой причинѣ тутъ все зависитъ отъ личнаго усилія въ обобщеніи деталей, разбѣянныхъ по разнымъ посланіямъ. Но на дѣлѣ получилось, что доселѣ

⁸⁾ Стр. 125, 156, 202, 221.

⁹⁾ Стр. 125, 157.

¹⁰⁾ Стр. 125.

¹¹⁾ Стр. 127.

¹²⁾ Стр. 186.

¹³⁾ Стр. 435.

¹⁴⁾ Стр. 432—435. Но ср. ниже къ прим. 205 на стр. 710.

¹⁵⁾ Стр. 156, 202.

были просто частныя попытки ¹⁶⁾ и всѣ даже „могутъ высказывать только частныя мнѣнія о *πίστις*“ ¹⁷⁾.

При такихъ условіяхъ о. І. Вѣляевъ и себя зараѣе обрекаетъ на одинаковую участь. Онъ прямо соглашается, что у него „опредѣленія и выводы необходимо носятъ слѣды субъективнаго пониманія твореній Апостола Павла“ ¹⁸⁾, какъ и въ другихъ случаяхъ представляются „только субъективныя положенія“ „человѣческаго субъективнаго пониманія“ ¹⁹⁾. Подобное заключеніе достаточно неизбежно по авторскимъ предпосылкамъ, но оно является роковымъ для изслѣдованія со всѣми его результатами. Для сего нужно припомнить весьма немногое. Избранная тема принудительно направляла къ выясненію того, какъ именно училъ въ подлинности самъ св. Павелъ о вѣрѣ. По этимъ свойствамъ своимъ она всецѣло относится къ области (новозавѣтнаго) библейскаго богословія и въ немъ почерпаетъ всю свою научную типичность. Здѣсь все наклоняется къ тому, чтобы изложить взятую сторону известнаго апостольскаго ученія во всей объективно-исторической непосредственности, а это пріобрѣтается при строжайшемъ соображеніи съ историческою постепенностію внѣшняго формулированія доктрины въ связи съ историческими потребностями и запросами. Этотъ историческій экзегезисъ способствуетъ уясненію даннаго ученія апостольскаго въ егодѣйствительныхъ размѣрахъ и качествахъ, съ какими оно провозглашалось самимъ священнымъ писателемъ. Тутъ не должно быть мѣста субъективности и все устремляется къ достиженію исторической объективности. Но разъ послѣдняя опредѣляется по соответствію съ историческими обстоятельствами, — отсюда естественно вытекаетъ, что и фактически во внѣшнемъ выраженіи все бываетъ пропорціонально условіямъ времени и жизни. Въ силу этого многое высказывается съ историческою относительностію и раскрывается по частнымъ поводамъ, а иное затрогивается слабо или со всѣмъ оставляется въ тѣни. Въ этомъ случаѣ не находится простора для абсолютныхъ формулъ и поиски таковыхъ не могутъ входить въ задачи библейско-богословскаго истолкованія апостольскихъ воззрѣній. Само собою понятно, что историческій анализъ долженъ сопровождаться теоретическими обобщеніями и принципиальною ихъ оцѣнкой, но все это будетъ уже простымъ выводомъ по завершеніи библейско-богословской работы и не служить для нея собственною цѣлію, которая обнимается исторически-объективнымъ воспроизведеніемъ и комментированіемъ.

¹⁶⁾ Стр. 132.

¹⁷⁾ Стр. 142.

¹⁸⁾ Стр. 221.

¹⁹⁾ Стр. 391. См. еще ниже въ прим. 96, 146, 174, 175, 180, 218, на стр. 699, 704, 706, 711.

О. прот. I. Вѣдлаевъ поступаетъ совсѣмъ наоборотъ и въ этомъ пунктѣ обнаруживаетъ недостаточную освидомленность или пренебреженіе насчетъ обязательнаго научнаго метода. Возмездіемъ сего бываетъ то, что поаднѣйшее и выводное оказывается у него ближайшимъ и почти единственнымъ, а потому собственный предметъ изученія исчезаетъ изъ вниманія и не обрисовывается по натуральнымъ своимъ свойствамъ, между тѣмъ въ этомъ состоитъ вся важность каждаго библейско-экзегетическаго труда. Вмѣстѣ съ этимъ авторскіе итоги лишаются объективной опоры въ точномъ экзегетическомъ анализѣ ²⁰⁾ и значительно проигрываютъ даже въ своей субъективной проникательности, при чемъ строгое ихъ примѣненіе и логическая неуклонность все окрашиваютъ тенденціозностію, неразрывной отъ затемненія дѣйствительности. Въ результатѣ — субъективизмъ поглощаетъ собою все и въ этомъ смыслѣ онъ былъ неустранимъ для о. I. Вѣдлаева, но его преобладаніе, при отсутствіи библейско-экзегетической почвы, 1) отнимаетъ у него цѣнность хотя бы только личнаго пониманія разбираемаго апостольскаго ученія, ибо дается помимо послѣдняго, и 2) вытѣсняетъ историческое изображеніе, которое должно служить первѣйшимъ объектомъ научной изыскательности. Черезъ это вся работа теряетъ истинную научную цѣнность, поскольку всѣмъ дорого знать, какъ училъ о вѣрѣ самъ св. апостолъ Павелъ, а для большинства (— пока авторъ не сдѣлался крупною знаменитостію—) едва ли интересно, какъ понимаетъ это ученіе о. прот. I. Вѣдлаевъ. По всему этому безспорно, что, уклоняясь отъ научнаго метода, рассматриваемое сочиненіе держится ниже линіи библейско-богословскаго научнаго уровня.

Въ виду этого принципиальнаго обстоятельства мы ограничиваемся далѣе лишь болѣе общими соображеніями касательно методической обработки матеріала и по вопросу о характерѣ освѣщенія предмета со стороны соотношенія съ апостольскимъ его выраженіемъ.

„Въ первой части ведется рѣчь о жизни Ап. Павла до и послѣ обращенія“: такъ говорить о. I. Вѣдлаевъ, но это совсѣмъ не выясняетъ ни связи даннаго пункта со взятою темой, ни его положенія въ ходѣ работы, ибо ссылка на „непосредственное соприснозованіе съ жизнью“ непримѣнима къ періоду невосрожденія, для времени христіанскаго не оправдывается въ самой книгѣ и вообще „еще болѣе увеличиваетъ трудность рѣшенія вопроса о вѣрѣ у Ап. Павла“ ²¹⁾. Въ этомъ отдѣлѣ собственно рассказываются—въ хронологическомъ порядкѣ—общезвѣстные историческіе факты. Здѣсь авторъ больше всего перелагаетъ своими словами новозавѣтныя указанія (Дѣяній и апостольскихъ посланій), сопро-

²⁰⁾ См. о послѣднемъ ниже къ прим. 200 сл. на стр. 710.

²¹⁾ См. стр. 4. Ср. и ниже къ прим. 107. на стр. 701.

вождая рефератъ подробными цитатами, гдѣ безъ всякой надобности выписываетъ цѣлыми страницами ²²⁾, какъ и въ другихъ мѣстахъ ²³⁾, иногда же по спорнымъ (для критики) вопросамъ перечисляются не всѣ текстуальныя подтвержденія ²⁴⁾. Все это неизмѣнно сопровождается пространными разсужденіями. Въ нихъ заключается весь интересъ, а по существу своему они чаще напоминаютъ субъективныя мечтанія. Возьмемъ примѣры. Авторъ преувеличенно подчеркиваетъ, что фарисеи были „сектой“ ²⁵⁾ и напрасно догадывается о „насыщенности“ саддукейства языческимъ рационализмомъ ²⁶⁾. При этомъ принимается, что Савлъ былъ чуждъ фарисейскихъ крайностей ²⁷⁾, — и все это безъ малѣйшей аргументаціи и безъ согласованія съ повдвѣйшимъ заявленіемъ, что „на душѣ Савловой отразились всѣ предписанія, постановленія и требованія учителей и старцевъ“ ²⁸⁾. Если прибавить, что гонительство мотивировалось именно жидовствованіемъ фарисейскаго зилотизма (Гал. I, 13, 14), то для насъ будетъ не столь феноменально удивительнымъ, что для спасенія своей гипотезы о I. Вльзевѣ допускаетъ, будто, „выступая рѣшителемъ жизни и смерти людей, человекъ этимъ самымъ какъ бы заявляетъ о правахъ своей личности участвовать въ божественной сферѣ управлять царствомъ людскимъ“, и тутъ содержится „самосвидѣтельство о царственности и избранности натуры“ ²⁹⁾. Такія теорія просто странны и, разумѣется, не помогаютъ научному выводу, а онѣ далеко не рѣдкость въ изысканіяхъ о I. Вльзевѣ. Авторъ съ особенною сосредоточенностію слѣдитъ за „ростомъ внутренняго духовнаго человека“, на складѣ коего въ Савлѣ вліяно яко бы и то, что „глазамъ этого фарисействующаго ученика предносилось и многогрѣшное язычество и стремящееся къ праведности іудейство со всеми своими нуждами и волненіями“ ³⁰⁾. Въ результатъ всего „сердце Савлово крѣпко заговорило о возможности выступить религиознымъ дѣятелемъ“ ³¹⁾. И эта рѣшимость укрѣпляется до неизбежности. Такъ, „духовный организмъ“ Савла по уму, волѣ и чувству отличался „избранностію“ ³²⁾, а — при „жи-

²²⁾ См., напр., стр. 56—57, 58.

²³⁾ См. хотя бы стр. 287—288, 342—343.

²⁴⁾ Напр., на стр. 10 о римскомъ гражданствѣ.

²⁵⁾ Стр. 9, 11, (12) 21.

²⁶⁾ Стр. 28.

²⁷⁾ Стр. 11, 12.

²⁸⁾ Стр. 28.

²⁹⁾ Стр. 17.

³⁰⁾ Стр. 13—14.

³¹⁾ Стр. 14.

³²⁾ Стр. 15—17.

вомъ сознаніи“³³⁾—она „ищетъ побѣдныхъ вѣнцовъ“³⁴⁾. Къ тому же наклоняла „самоавторитетность“, когда „самый характеръ Савла требовалъ того, чтобы взять на себя по возможности трудную и возвышенную задачу и осуществить ее достойно“³⁵⁾ въ „идеалѣ высококомъ и неудободостижимомъ, награда за который была бы велика“³⁶⁾. Неудачи нисколько не разочаровываютъ въ этомъ предпріятіи, сколько героическомъ, столько же и эгоистическомъ. Напротивъ, „если другіе не смогли осуществить свои идеалы, то сынъ и пламенный ученикъ достигнетъ желаемого и будетъ достойнымъ носителемъ идеаловъ“ „за отца и за себя“³⁷⁾; дабы „стать за всѣхъ предъ Богомъ и за всѣхъ осуществить въ себѣ идеалъ всѣхъ“³⁸⁾, за отцовъ своихъ, за народъ³⁹⁾, за всѣхъ людей⁴⁰⁾, даже за язычниковъ⁴¹⁾. Какъ все это образовалось въ Савлѣ и къ чему онъ пришелъ въ итогъ? По мнѣнію автора, „раціоналисты саддукеи, мистики-ессеи, языческіе философы разныхъ направленій [въ формѣ эпикурейства, стоицизма, скептицизма, платонизма], все это само собою простирало руки къ Савлу“⁴²⁾, но онъ отвергъ всѣ эти приглашенія, а въ языческомъ мірѣ предъ нимъ развернулась печальная картина жизни⁴³⁾. Тогда „съ сокрушеннымъ сердцемъ обратился Савлъ къ народу Вошію“, однако и въ Израилѣ не нашелъ искомага⁴⁴⁾. Изъ области фантастическихъ предположеній о. І. Влѣевъ вступаетъ теперь въ сферу дѣйствительной исторіи Павловой, и все-таки характеръ работы почти совсѣмъ не измѣняется. Разными искусственными и совершенно излишними наведеніями аргументируется бесспорная для всѣхъ истина, что отнынѣ Савлъ сосредоточился на (достиженіи) праведности отъ закона, хотя это давалось само собою⁴⁵⁾, и затѣмъ авторъ старается уяснить этотъ идеалъ⁴⁶⁾. Создавая себѣ этимъ не существующія трудности, онъ устраняетъ ихъ произвольнымъ подборомъ христіанскихъ изреченій апостольскихъ, пригодность коихъ для времени „жидовствованія“ иногда крайне сомни-

³³⁾ Стр. 34.

³⁴⁾ Стр. 19.

³⁵⁾ Стр. 26.

³⁶⁾ Стр. 37.

³⁷⁾ Стр. 24.

³⁸⁾ Стр. 25.

³⁹⁾ Стр. 53, 35.

⁴⁰⁾ Стр. 48.

⁴¹⁾ Стр. 36, 37.

⁴²⁾ Стр. 26—27 сл.

⁴³⁾ Стр. 31.

⁴⁴⁾ Стр. 31—32.

⁴⁵⁾ Стр. 43.

⁴⁶⁾ Стр. 39 сл.

тельна 47). Во всякомъ случаѣ потомъ видимъ, что — въ замѣнъ праведности — „верховнымъ идеаломъ“ объявляется уже η βασιλεία τῆς θεοῦ, а δικαιοσύνη служить только субъективнымъ приготовленіемъ къ σωτηρία и оба вмѣстѣ увѣнчиваются въ первомъ 48). Юридическое толкованіе, не справедливое для новозавѣтнаго употребленія, конечно, вѣрно для іудейскаго примѣненія, но въ немъ не было и не допускалось такого разграниченія моментовъ, ибо „праведность“ прямо заключала въ себѣ спасеніе и съ необходимою принудительностію предрѣшала участіе въ „царствѣ Божіемъ“. Маршрутъ начертывается окольный, — и естественно, что движеніе впередъ не имѣетъ регулярной прогрессивности. Тутъ все сводится къ характеристикѣ подзаконныхъ бореній, которыя рисуются въ чрезвычайно рѣзкихъ и мрачныхъ чертахъ, будучи „типомъ общечеловѣческой исторіи въ этомъ отношеніи“ 49). Однако трудно постигнуть причины и характеръ подобнаго состоянія. Оказывается, что, ставъ „по правдѣ законной непорочнымъ“ (Филипп. III, 6), Савль именно теперь и убѣдился въ тщетности всѣхъ своихъ усилій 50) съ такою принципиальностію, что будто бы „всякій подзаконникъ долженъ былъ сдѣлать эти выводы“ 51) въ невозможности оправданія законоисполнительностію 52). Этимъ устраняется самая основа для внутреннихъ коллизій, разъ нѣтъ вынуждающаго ихъ фактора. Тогда неизбежно исчезаютъ поводы и для внѣшнихъ столкновеній, коль скоро все прежнее напряженіе разрѣшалось лишь стремленіемъ къ отысканію новыхъ путей. Съ этой точки зрѣнія антихристіанское гонительство является совершенною загадкой, между тѣмъ виновникъ его изображается иногда чуть не фанатичнымъ извергомъ „съ пламенемъ энергіи и противодѣйствія къ христіанамъ“ 53). И все это тѣмъ загорѣе въ нравственномъ смыслѣ, что самъ Савль „сомнѣвался въ своей справедливости“ 54). Здѣсь авторъ опять возвращается къ отвергнутому и утверждаетъ уже, яко бы всѣ преслѣдованія принимались ради огражденія и защиты „святѣннѣйшихъ завѣтовъ отцевъ“ отъ нечестивыхъ покушеній со стороны исповѣдниковъ Христовыхъ 55). Въ виду допущеннаго самоотреченія Савлова отъ законническихъ идеаловъ, — такое объясненіе, конечно, недостаточно, и

47) См. и ниже къ прим. 58—61 на стр. 698.

48) Стр. 41—42.

49) Стр. 45.

50) Стр. 49—50, 52.

51) Стр. 51.

52) Стр. 79.

53) Стр. 67.

54) Стр. 88.

55) Стр. 60, 61, 62, 64, 67.

о. I. Вѣляевъ выдвигаетъ чрезвычайно оригинальную догадку. Поколебавшись въ своей законнической корректности, Савль началъ внутренно тяготѣть къ христіанству, но для полной увѣренности ему нужно было собственное откровеніе воскресшаго Господа. На это онъ „могъ надѣяться“, и отсюда ожидается жажда видѣть Христа и узанать Его волю ⁵⁶⁾. Желаніе не сбывается, и у гонителя возникаетъ такая „последовательность мыслей. Если Христовъ дѣйствительно воскресъ, то Онъ—Сынъ Божій. Тогда быть не можетъ, чтобы, Онъ не явился защитителемъ своихъ послѣдователей. Я буду гнать ихъ. Онъ можетъ явиться имъ на защиту, и я увижу Его и узаню Его. Если же Онъ не явится, то ложь, что говорить о Немъ Его послѣдователи“ ⁵⁷⁾... Не требуется разъяснять, что эта идея, пожалуй, болѣе, чѣмъ странная. Для насъ она важна развѣ потому, что ярко обнаруживаетъ безпочвенность и фантастичность авторскихъ соображеній. Для нихъ о. I. Вѣляевъ не располагаетъ документальными данными изъ періода іудейскаго ожесточенія и строитъ все по свѣдѣніямъ писаній христіанской эпохи. Всякія заключенія здѣсь необходимо бывають проблематичными и обязываютъ къ строгой внимательности при оцѣнкѣ свидѣтельствъ. Авторъ уклоняется отъ этой задачи и, усердно пользуясь матеріалами VII-й главы посланія къ Римлянамъ, совсѣмъ не касается спорнаго вопроса о захватываемомъ въ ней времени жизни апостольской, въ другомъ мѣстѣ эту „картину глубоко драматической борьбы внутренняго и внѣшняго чеховѣка“ прямо относить къ христіанскому состоянію ⁵⁸⁾, какъ раньше христіанскія черты (напр., Дѣян. XXIV, 14) всецѣло приурочиваются къ жидовствованію ⁵⁹⁾, а позднѣе христіанскими свидѣтельствами характеризуются и „естественное“ ⁶⁰⁾ и подзаконное ⁶¹⁾ положенія іудей. Неудивительно, что сужденія вышли внутренно непрочными и взаимно несогласными. Не менѣе того понятно, что и въ дальнѣйшихъ толкованіяхъ многое возбуждаетъ недоумѣнія. При разочарованіи въ законничество все настроеніе Савла проникается влеченіемъ къ христіанству ⁶²⁾, и путешествіе въ Дамаскъ способствовало развѣшенію душевнаго кризиса въ сторону христіанской истины ⁶³⁾. Субъективность всѣхъ догадокъ связывается съ такими аргументами и теоріями, что—вопреки авторскимъ намѣреніямъ—мы находимъ въ нихъ поразитель-

⁵⁶⁾ Стр. 81—82.

⁵⁷⁾ Стр. 78.

⁵⁸⁾ Стр. 105. См. и къ прим. 47 на стр. 692.

⁵⁹⁾ Стр. 44.

⁶⁰⁾ Стр. 250.

⁶¹⁾ Стр. 61.

⁶²⁾ Стр. 69 сл., 74, 77, 78.

⁶³⁾ Стр. 78 сл.

ное согласіе съ мыслями ученыхъ, тенденціозно ратующихъ въ пользу естественной трансформациі фарисея и гонителя въ христіанина и апостола... И о. І. Вѣляевъ не уничтожаетъ всей опасности, если упоминаетъ, что при разматриваемомъ событіи раскрылась „плодородность прошлыхъ усилій“ Савла ⁶⁴⁾ и „объились самыя завѣтнѣйшія и самыя возвышеннѣйшія его желанія“ ⁶⁵⁾. Вѣрно, что авторъ говоритъ о „поражающемъ весь міръ чудесномъ обращеніи“ ⁶⁶⁾ и о „переломѣ“ ⁶⁷⁾, но, подвергая сомнѣнію всѣ обратныя указанія, эти слова и сами представляются не столь неизблѣмыми.

Въ результатѣ имѣемъ, что первая часть анализируемаго труда не обладаетъ научною прочностію и убѣдительностію въ воспроизведеніи подлинной исторіи возрастанія предъизбраннаго апостола языковъ. Что до соотношенія этого отдѣла со всѣмъ цѣлымъ и съ главною темою книги, то оно абсолютно неудовимо. Авторъ только разъ пытается аргументировать нѣкоторую связь, да и тутъ неудачно. Онъ отмѣчаетъ, что по обращеніи „центромъ личности и главнымъ предметомъ ученія Павла былъ Христосъ“, однако все вниманіе должно было сосредоточиться на вѣрѣ, ибо ею вселяется въ насъ Господь (Еф. III, 17), при чемъ „повидимому центръ личности перемѣщается съ Христа на вѣру, хотя послѣдняя служитъ только путемъ къ приобрѣтенію Христа“ ⁶⁸⁾. Отсюда вытекаетъ не больше (запутаннаго) констатированія простаго факта христіанскаго бытія Павлова, и все касательство къ прошлому ограничивается ссылкой на ту особенность, что теперь „Савлъ увѣровалъ въ Іисуса Христа“ ⁶⁹⁾. Само собою очевидно, что тутъ вопросъ о вѣрѣ вовсе не подготавливается предшествующими изысканіями, которыя рѣшительно ничего не дадутъ для уразумѣнія самаго предмета. Они могли бы еще служить хоть матеріаломъ къ постиженію Гал. II, 16, но, упоминая это выраженіе не однажды ⁷⁰⁾, авторъ ничуть не отнимаетъ у него присущей загадочности.

Значить, послѣ долгихъ странствованій мы приходимъ ко второй части безъ всякихъ обогащеній, а уже съ немалымъ и напраснымъ утомленіемъ. Въ этой части о. І. Вѣляевъ хочетъ предложить „опредѣленіе вѣры по ученію Апостола Павла“ ⁷¹⁾ и для сего прежде всего „представляетъ непосредственныя данныя“ изъ апостольскихъ

⁶⁴⁾ Стр. 83.

⁶⁵⁾ Стр. 84.

⁶⁶⁾ Стр. 68.

⁶⁷⁾ Стр. 85.

⁶⁸⁾ Стр. 87.

⁶⁹⁾ Стр. 110.

⁷⁰⁾ См., напр., стр. 52, 279.

⁷¹⁾ Стр. 110.

писаний⁷²⁾ по следующим рубрикамъ: а) область объектов вѣры съ указаніемъ отличій въ построении рѣчи, б) отношенія людей къ вѣрѣ, в) предикаты вѣры а) по присутствію въ ней жизни, б) по участию Бога (Отца, Сына и Духа) въ ея дарованіи, д) обнаруженія вѣры въ сферѣ интеллекта, воли и чувства и въ религиозно-нравственныхъ состояніяхъ, е) эквиваленты вѣры изъ интеллектуальной и волевой области, изъ религиозно-нравственныхъ состояній, изъ отношеній Бога къ міру, изъ области индивидуумовъ, а равно ф) „противоположности вѣры“ по тѣмъ же категоріямъ ума и воли. Разсмотрѣніе ведется скрупулѣзное, и самая эта утонченность свидѣтельствуетъ о схоластической отвлеченности, слишкомъ дорожащей теоретическою стройностію⁷²⁾. Авторъ собственно цѣликомъ выписываетъ погречески всё тексты, гдѣ встрѣчаются слова πιστις, πιστεύω, πιστός. Но послѣднія искони были извѣстны въ греческомъ языкѣ и въ немъ, конечно, не имѣли того исключительно-христіанскаго смысла, какой усвоенъ св. Павломъ въ специальномъ примѣненіи. Въ этомъ случаѣ задача могла сводиться равнѣ къ выясненію того, насколько оригинально и самобытно апостольское пониманіе по сравненію съ обычными для этихъ терминовъ моментами. Тогда бы отчетливѣе освѣщалось собственное достоинство апостольской концепціи въ ея независимости по происхожденію и содержанію. Здѣсь филологическія наблюденія были бы весьма полезны для библейско-богословской экзегетики. Но о. І. Вѣляевъ питаетъ подозрительность къ такому употребленію филологіи⁷³⁾ и даже инсинуируетъ на ея счетъ⁷⁴⁾, а самъ не видитъ наиболѣе характерныхъ филологическихъ явленій, важныхъ для уразумѣнія существа предмета. Напр., справедливо обращается вниманіе, что комбинація πιστεύω съ

⁷²⁾ Стр. 111 сл.

⁷³⁾ При этомъ, конечно, справедливо, что въ самой вѣрѣ безспоренъ (интеллектуально—) динамическій элементъ, какъ это—съ психологической стороны—раскрывается въ излишне фугурной рѣчи П. П. Соколова „О вѣрѣ“: см. харьковскій журналъ „Вѣра и Разумъ“ 1902 г., № 4, стр. 188. Со всею обстоятельностью моменты знанія, воли и чувства въ вѣрѣ и по отношенію къ ней разсматриваются въ „опытѣ философской исторіи религій“ проф. *Алексыя Ив. Введенскаго*, Религиозное сознаніе язычества I: Основные вопросы философской исторіи естественныхъ религій (Prolegomena).—Религіи Индіи (Москва 1902), стр. 29—102.

⁷⁴⁾ Стр. 7, 128 сл.

⁷⁵⁾ См. особенно стр. 181: „итакъ принимая во вниманіе, что филологическія и философскія изысканія въ области дохристіанскаго словоупотребленія слова «вѣра» съ цѣлью выяснить «новозавѣтное» значеніе этого слова имѣютъ тенденцію отрицать боговдохновенность (!?) писаній ап. Павла, страдаютъ малонаучною преданностью взгляда (?) и потому малосодержательностью (?), то мы отклоняемъ отъ себя эту неблагодарную задачу“...

εἰς есть чисто новозавѣтное созданіе и объясняется по аналогіи съ βαπτίζεσθαι + εἰς, между тѣмъ существ. πιστεύεσθαι связывается всегда (—кромя Кол. II, 5—) съ ἐν, съ которымъ—напротивъ—не встрѣчается πιστεύεσθαι. Все это не мало служитъ къ точнѣйшему постиженію апостольской идеи ⁷⁵⁾. Възвѣтъ этихъ и подобныхъ условій—механической подборъ цитатъ съ чисто внѣшнею ихъ классификаціей бываетъ обратно пропорціональнымъ усердію по своимъ результатамъ. Не говоримъ о частныхъ странностяхъ, что такимъ путемъ въ объемъ „объектовъ вѣры“ попадаютъ: „все“, ложь, кто-нибудь, возможность—существованія споровъ, все ѣсть, употреблять въ пищу, извѣстнаго рода мудрствованія, прихода и т. п. Гораздо важнѣе, что при этомъ неразборчивомъ нагроможденіи необходимо сглаживается специально апостольская особенность, растворяясь во множествѣ другихъ признаковъ и принимаясь до ихъ уровня. Въ итогѣ неизбежно получается общая формула, что у апостола не находится опредѣленія вѣры и встрѣчаются лишь описанія ⁷⁶⁾. Этотъ неутѣшительный выводъ заставляетъ думать, какъ будто авторъ ищетъ того, чего нѣтъ въ дѣйствительности и не предполагается. Въ этомъ сказывается роковая сила принципиальной отвлеченности авторскаго воззрѣнія, что въ рѣчи объ „объектахъ вѣры“ забывается и исчезаетъ самая вѣра, какъ реальный объектъ. Если у благовѣстника не дается желательнаго опредѣленія вѣры, то, разумѣется, отсюда ничуть не вытекаетъ, чтобы онъ не соединялось съ нею опредѣленныхъ предикатовъ, а потому и требовалось установить, какія особенныя жизненныя явленія мыслились у апостола подъ именемъ вѣры. Но о. I. Вѣляевъ опять отклоняется отъ этой дѣли. Дорога къ ней была закрыта уже ранѣе, и направленіе взято совсѣмъ въ иную сторону. Мы констатировали, что у автора улетучивается все оригинальное въ понятіи вѣры среди массы всяческихъ квалификацій, закрѣпленныхъ за нею широкимъ употребленіемъ термина. Едва ли нужно аргументировать, что вмѣстѣ съ этимъ обязательно ступенчиваются предъ нашимъ взоромъ и самыя реальныя черты, которыя теряютъ свою типическую характерность въ ряду прочихъ качествъ, отмѣчаемыхъ словомъ πιστεύεσθαι.

Слѣдовательно, пока намъ не раскрываются идея и фактъ вѣры въ собственномъ и специальномъ апостольскомъ изображеніи, разъ у него отнимается вся индивидуальность. Все дальнѣйшее почти совсѣмъ не восполняетъ этихъ непоправимыхъ недочетовъ. Здѣсь сначала приводятся замѣчанія древнихъ и новѣйшихъ писателей о вѣрѣ въ примѣненіи къ

⁷⁵⁾ См. напр., Prof. Johannes Haussleiter, Was versteht Paulus unter christlichem Glauben въ Greifswalder Studien: Theologische Abhandlungen Hermann Cremer dargebracht, Gütersloh 1895, S. 150—181.

⁷⁶⁾ Стр. 125—127.

знакомымъ рубрикамъ ⁷⁷⁾, потому разбираются некоторыя апостольскія выраженія (Филипп. I, 29. Евр. XI, 3 и 8. Гал. V, 6. Рим. I, 17 = Гал. III, 11 = Евр. X, 38 и др.) съ извѣщеніями тожесовъ, извѣстныхъ по начальной авторской классификаціи ⁷⁸⁾, затѣмъ все подтверждается цитатами изъ различныхъ комментаторовъ для разсмотрѣнныхъ апостольскихъ нареченій ⁷⁹⁾ и, наконецъ, подробно разъясняются добытыя положенія ⁸⁰⁾. Кажется, сдѣлано уже все, но о. І. Бѣляевъ не довольствуется этимъ и представляетъ нарочитый анализъ,—обычнаго образца,—для свидѣтельства Евр. XI, 1, хотя выводы получаются прежніе ⁸¹⁾. Вездѣ авторъ возвращается въ кругу усвоенныхъ имъ созерцаній и совсѣмъ не подвигается впередъ. И мы читаемъ, что большинство найденныхъ признаковъ относится ко всякой вѣрѣ, а христіанскую отличаютъ только два, что она „вводитъ человека въ міръ религиозно-нравственныхъ состояній“ и „имѣетъ своею цѣлю Христа Иисуса“ ⁸²⁾, однако первый вовсе не является исключительно христіанскимъ и присущъ всякой религиозной „вѣрѣ“, второй же уничтожаетъ чуть не всю типичность, послѣдуя все различіе находитъ лишь въ пунктѣ приложенія силы, которая по этому самому будетъ тожественною во всякихъ модификаціяхъ.

На такомъ зыбкомъ фундаментѣ нельзя создать чего-либо прочнаго. Когда нѣтъ ни основы, ни матеріала, то, естественно, не бываетъ и объективно-неизблемаго построенія. Все это оправдывается книгою о. І. Бѣляева. При объединеніи своихъ наблюденій онъ отправляется отъ того убѣжденія, что „вѣра есть явленіе“ и, „какъ существующая на человѣкѣ и въ человѣкѣ, есть явленіе человека, проявленіе человека“ ⁸³⁾. Но явленіе обнаруживаетъ собою нѣчто и служить для него внѣшнею формою существованія. Черезъ это оправдывается та идея, что „вѣра есть извѣстная форма существованія человека“. Само собою ясно, что тутъ пустая логическая фикція, которая пригодна для всякихъ „явленій“, а ихъ множественность въ каждомъ субъектѣ дѣлаетъ сомнительнымъ дѣлостное человѣческое бытіе... Ненатуральность подобной аргументаціи сопровождается неизбѣжною запутанностію. Вѣра почитается внѣшнею для человека, бывающаго субстратомъ для этой формы, и однако она называется субстанціею ⁸⁴⁾, воплощающеюся въ человѣкѣ. Понятіе явле-

⁷⁷⁾ Стр. 181—186.

⁷⁸⁾ Стр. 157—175.

⁷⁹⁾ Стр. 175—202.

⁸⁰⁾ Стр. 202—228.

⁸¹⁾ Стр. 228—240.

⁸²⁾ Стр. 208—205.

⁸³⁾ Стр. 207—208.

⁸⁴⁾ Стр. 208, 209, 210 сл.

нія устраняется, и за вѣрою закрѣпляется объективный смыслъ внѣшней реальности, бывшей доколѣ чуждою чело-вѣку⁸⁵⁾. Тогда самое усвоеніе этого внѣшняго содержанія, будучи процессомъ⁸⁶⁾, будетъ уже какъ бы не вѣрой и если сливается съ нею, въ такомъ случаѣ она оказывается творящею для самой воспринимаемой объективности. Конечно, авторъ настаиваетъ на моментѣ божественнаго участія, но отмѣченный выводъ не упраздняется этимъ совершенно, разъ чело-вѣкъ провозглашается *дѣятелемъ* (производителемъ) вѣры наравнѣ съ Богомъ и Христомъ⁸⁷⁾. При этомъ вѣра постоянно слагается и не заканчивается въ своей творческой продуктивности, почему о. І. Вѣляевъ находитъ „болѣе правильнымъ видѣть въ вѣрѣ непрерывно смѣняющійся рядъ актовъ вѣры, который носить въ себѣ указаніе на соответствующій рядъ волевыхъ актовъ, или на волевою активностью въ вѣрѣ“⁸⁸⁾. Неудивительно, что авторъ принимаетъ⁸⁹⁾ небиблейское, антипавлинстическое и всячески сомнительное сужденіе о. архимандрита Сергія, будто „вѣра во Христа бываетъ производящею причиною спасенія“⁹⁰⁾. Въ этой концепціи возбуждаетъ сомнѣніе и резюмирующая формула, что вѣра есть богочеловѣческое: *всечленіе* чело-вѣкомъ въ себѣ Господа Иисуса⁹¹⁾, при содѣйствіи Духа Святаго, соизволеніи Христа Бога и милосердіемъ соучастіи Бога Отца⁹²⁾. Въ этомъ опредѣленіи Богъ во всѣхъ лицахъ Св. Троицы опять рисуется внѣшнимъ для самаго акта вѣры, и названіе всего процесса „богочеловѣческимъ“ не отнимаетъ у людей самобытнаго достоинства подлѣ божества, ко-

85) Стр. 213.

86) Стр. 213—214, 216.

87) Стр. 217.

88) Стр. 185—186.

89) Стр. 426.

90) Для ясности и убѣдительности полезно ваять процитованное мѣсто въ цѣломъ контекстѣ, съ сохраненіемъ авторскихъ грамматическихъ произвольностей. „Итакъ, разсуждая (?) по существу, спасеніе (?) есть свободно-благодатный переходъ чело-вѣка отъ зла къ добру, отъ жизни по стихіямъ міра и отъ вражды противъ Бога къ жизни самоотверженной и къ общенію съ Богомъ. Что служить условіемъ такого перехода? Въ собственномъ и строгомъ смыслѣ такимъ условіемъ или, производящей причиною можетъ быть вѣра во Христа“. См. Православное ученіе о спасеніи. Опытъ раскрытія нравственно-субъективной стороны спасенія на основаніи Св. Писанія и твореній свято-отеческихъ. Сергіевъ Посадъ 1895. Стр. 228; 2-е изданіе, Казань 1898, стр. 227. Кстати сказать: это второе изданіе, ничуть и ни въ чемъ не улучшая перваго, можетъ нѣсколько конкурировать съ книгою о. І. Вѣляева по своей типографско-корректорной неисправности...

91) Стр. 217, 219, 226, 244, 362.

92) Стр. 227.

торое будетъ собственно лишь внѣшнимъ объектомъ, если „въ Новомъ Заветѣ *πνευμα* употребляется (только) въ смыслѣ субъективной вѣры“⁸³). Эта субъективная вѣра представляется заранее данною, и отсюда логично для о. I. Вѣльева категорическое утверждение, что „вѣра во Христа есть известное вселеніе Іисуса Христа въ челоуѣка или *Христоуподобленіе вѣрующаго*“⁸⁴). Последнее замѣчаніе рѣшительно свидѣтельствуетъ, что челоуѣкъ бываетъ вѣрующимъ еще до начала вселенія или христоупотребленія, а потому вѣра пока независима отъ позднѣйшаго воздѣйствія Отца, Сына и Духа. Это первое наблюденіе. Затѣмъ всякому бросается въ глаза, что авторскій тезисъ страдаетъ крайне эластическою растяжимостію и одинаково пригоденъ ко всѣмъ новозавѣтнымъ писателямъ, — пожалуй, даже и ко всѣмъ христіанскимъ, а если изъять имя Христа, то и ко всякимъ вѣрамъ религіознымъ. Эта общность неотразимо убѣждаетъ, что объективное явленіе не схвачено во всей его типичности, съ какою оно отражалось въ умѣ апостола Павла. Въ этомъ случаѣ о. I. Вѣльевъ разсуждаетъ помимо факта — въ документальныхъ данныхъ и соответствующей имъ дѣйствительности. Авторъ самъ сознается, что наиболѣе точная редакція для разсматриваемаго понятія⁸⁵) все-же субъективна⁸⁶). Къ этому нужно прибавить, что она и мертвенно безжизненна настолько, что сюда вполнѣ подходятъ собственные слова о. прот. Вѣльева о людяхъ, которые „какъ бы превращаются въ интеллектуальную призму“⁸⁷) и „находятъ схоластическое удовольствіе“⁸⁸) въ „схоластическихъ опредѣленіяхъ и созерцаніяхъ“⁸⁹). Думаемъ, что по данному предмету нѣтъ необходимости въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ, но первый пунктъ необходимо вызываетъ на возраженія. Въ немъ челоуѣку приписывается активное участіе въ процессѣ вѣры при вселеніи Христа или при „христоуподобленіи“. Въ этомъ толкованіи содержатся отбѣнки, абсолютно чуждые и даже противныя всѣмъ принципиальнымъ убѣжденіямъ св. апостола Павла. Въ своихъ христіанскихъ упованіяхъ онъ неизблѣмо держался той истины, что въ достиженіи оправданія и праведности челоуѣкъ совершенно безпомощенъ, и всякія самостоятельныя усилія неизбѣжно разрѣшаются окончателъною без-

⁸³) Стр. 428 въ прим. 31-мъ.

⁸⁴) Стр. 346.

⁸⁵) Стр. 227.

⁸⁶) Стр. 221.

⁸⁷) Стр. 352.

⁸⁸) Стр. 161.

⁸⁹) Стр. 160. Разумѣется, одинаково напрасны и приткны усилія къ отысканію какаго-то о с о б е и н а г о нравственнаго значенія въ христіанскихъ догматахъ, въ чемъ столь усердно и бесплодно теперь упражняются у насъ „нѣціи отъ лакова“...

надежностію понаше отчаянія. Поэтому и вѣра, будучи именно оправдывающею, никоимъ образомъ не можетъ соизидаться на независимой человѣческой самодѣятельности, хотя бы послѣдняя даже соподчинялась божественной. Разумѣется, этимъ вовсе не отрицается сознательность воспріятія, въ которомъ работаютъ все способности разумнаго субъекта. Обозначая этомъ авторъ трактуетъ многократно и просто, но напрасно и безплодно, иногда запутывая простыя вещи, если подчеркиваетъ, будто у благовѣстника „не встрѣчается прямыхъ указаній на то, что въ вѣрѣ есть элементъ чувства“¹⁰⁰⁾, въ другихъ же мѣстахъ свидѣлствуется обратное¹⁰¹⁾, при чемъ „это положеніе не выводитъ только, а слова апостола“¹⁰²⁾. Вопросъ идетъ о вѣрѣ, какъ доставляющей праведность, и въ этомъ отношеніи св. Павелъ категорически отвергалъ самобытную человѣческую активность. Тутъ все отъ Бога по верховной благодати, спасающей и милующей грѣшника туне и помимо условливающаго его усердія. Въ этомъ смыслѣ *вѣра съ субъективной стороны неразрывна отъ благодати и опредѣляется исключительно изъ нея.*

Здѣсь о. І. Вѣляевъ неправильно представляетъ мысль апостольскую и потому оказывается несправедливымъ къ самой жизни благовѣстнической. Со своей точки зрѣнія св. Павелъ совсѣмъ не допускаетъ человѣческой заслуженности въ „пріобрѣтеніи“ оправданія и всюду выдвигаетъ вѣру въ этомъ специальномъ ея достоинствѣ,—въ противовѣсъ инымъ методамъ. Посему проповѣдь вѣры вызвала энергическую оппозицію и сопровождалась у апостола неустанною защитой. Все благовѣстническое теченіе было собственно сплоченною и пламенною борьбой за принципъ вѣры по его верховному абсолютизму и вопреки всякимъ покушеніямъ. Тутъ доктрина тѣсно соприкасается съ жизнью и освѣщаетъ ее, откуда и сама немало раскрывается по своему внешне-историческому формулированію и внутреннему строенію. Такой путь обязательно начертывается самою сущностію библейско-богословскихъ изысканій, но о. І. Вѣляевъ уклонился съ этой дороги и прошелъ мимо апостольской жизни. У него исчезаетъ самый контрастъ апостольскаго пониманія съ прочими концепціями, и мы не слышимъ ни малѣйшихъ отголосковъ какихъ-либо коллизій. Во всей книгѣ ни разу не говорится специально о юридическихъ началахъ крайняго законничества и о столкновеніяхъ св. Павла съ іудеистами, а вѣдь этимъ былъ проникнутъ весь подвигъ апостольскій, являвшійся отраженіемъ номизма и побораніемъ за вѣру... Такъ у о. І. Вѣлева исчезла самая исторія, но вмѣстѣ съ нею и все ученіе апостольское потеряло жизненную реальность

¹⁰⁰⁾ Стр. 186.

¹⁰¹⁾ Стр. 186—187.

¹⁰²⁾ Стр. 191.

своего фактическаго происхожденія, утратило всякое даже-ніе своего историческаго раскрытія и присуща законченнаго сходственно-художественнаго твореніемъ теоретической отвлеченности.

Въ итогѣ имѣемъ, что авторъ не далъ генезиса апостольской доктрины о вѣрѣ по ея историческому возникновенію и развитію и не точно указалъ самое содержаніе. Субъективная сторона вопроса не нашла удовлетворительнаго истолкованія, и этимъ предрѣшается судьба изслѣдованія объективныхъ свойствъ вѣры въ ея дѣйствіяхъ и плодахъ у людей. Эта задача прямо вызывается ходомъ авторской работы, и третья часть ея у о. І. Вѣльева естественна и умѣстна. Къ ней мы приближаемся съ такими предвареніями, что вѣра—слово всеобъемлющее ¹⁰³⁾ и захватываетъ всю личность во всѣхъ религіозно-моральныхъ отправленіяхъ ¹⁰⁴⁾. Поэтому „все богословіе Апостола Павла вращается вокругъ *πίστις*, превращаясь въ пистеологию“ ¹⁰⁵⁾. Наряду съ этимъ вѣра, будучи „небеснымъ состояніемъ“ ¹⁰⁶⁾, связывается съ жизнью апостольскою ¹⁰⁷⁾ и всякаго христианина. Черезъ это предъ нами открывается перспектива, что въ третьемъ отдѣлѣ сочиненія будутъ описаны „условія возникновенія вѣры, ея роста и вліянія на человѣка“ ¹⁰⁸⁾. По прямому смыслу словъ,—для этого требовалось бы разъяснить, какъ рождается и протекаетъ, чѣмъ сопровождается и завершается вѣра въ людяхъ, но авторъ отправляется издалека и сначала ¹⁰⁹⁾ изображаетъ тѣ стадіи, которыя (будто бы) прошло человечество на пути къ осуществленію своего назначенія. Еслибы вѣра была уже признана единственнымъ средствомъ къ исполненію послѣдняго, то данный трактатъ былъ бы полезенъ для отрицательнаго утвержденія основнаго тезиса изъ непригодности всѣхъ другихъ способовъ; разъ же объ этомъ рѣче не было упомянуто,—все разсужденіе оказывается не достаточно умѣстнымъ для взятой темы. Сверхъ сего оно не чуждо и многихъ „недоумѣнностей“. О. прот. Вѣльевъ полагаетъ назначеніе человѣка въ богосыновствѣ или богоподобности ¹¹⁰⁾, при чемъ (до Христа) „людямъ было неизвѣстно (только то), что путь къ этому лежитъ черезъ «сыновство» по отношенію къ Богу въ вѣрѣ“ ¹¹¹⁾. Въ такомъ случаѣ исповѣданіе этой истины должно быть обязательнымъ для каждаго, между тѣмъ констатируется, что „грѣшникъ“ (*ἀμαρτω-*

¹⁰³⁾ Стр. 132.

¹⁰⁴⁾ Стр. 156, 157, 174—175.

¹⁰⁵⁾ Стр. 243.

¹⁰⁶⁾ Стр. 132.

¹⁰⁷⁾ Стр. 156.

¹⁰⁸⁾ Стр. 110.

¹⁰⁹⁾ Стр. 244—313.

¹¹⁰⁾ Ср. стр. 246, 249.

¹¹¹⁾ Стр. 250.

λόс) это тотъ, кто теоретически и практически признаетъ себя богоподобнымъ¹¹²⁾. Этотъ критерій примѣняется къ Адаму¹¹³⁾ и Евѣ¹¹⁴⁾, конечно, по убѣжденію, что тутъ было „только претензіозное богоподобіе“¹¹⁵⁾, однако категорически свидѣтельствуется, что „правда—[это есть] первобытное состояние созданнаго перваго человѣка“, ибо „состояніе первозданнаго человѣка есть богоподобіе, такъ какъ первозданный человѣкъ имѣлъ все, чтобы въ жизни своей уподобиться Богу“¹¹⁶⁾. Такими соображеніями авторъ аргументируетъ, что люди были вынуждены согласиться съ фактомъ своего небогоподобія и видѣть въ немъ грѣхъ. Это объявляется „доопытнымъ выводомъ“¹¹⁷⁾ о своей грѣховности изъ „періода доопытнаго“¹¹⁷⁾, а прежде мы читали, что ложныя теоретическія (понятія отражались чрезъ гордость на всей жизни¹¹⁸⁾), которая заставила людей познать свою грѣховную неправоту. Эта фальшь влечетъ за собою новую, что, изобрѣтая второй „періодъ послѣопытнаго вывода о своей грѣховности“, о. І. Вѣляевъ усматриваетъ его въ „активныхъ попыткахъ борьбы „естественнаго““¹¹⁹⁾ человѣчества съ грѣхомъ¹¹⁹⁾, какъ будто раньше—до самаго погона¹²⁰⁾—было одно грѣховное господство безъ всякой оппозиціи. Третій періодъ „послѣзаконнаго вывода“ втискивается въ общую схему въ качествѣ момента, окончательно сокрушившаго человѣческую самомнительность. Въ подобномъ освѣщеніи вся характеристика законничества возбуждаетъ серьезные сомнѣнія въ цѣломъ и въ частностяхъ. Говорится, что „законъ не могъ имѣть своюю цѣлію δικαιοσύνη, полное оправданіе человѣка“¹²¹⁾. Смыслъ его дарованія становится непонятнымъ, и авторъ прибѣгаетъ къ фантастической догадкѣ, то законъ былъ выпрошенъ евреями—аналогично позднѣйшему избранію царя¹²²⁾, хотя и это опять не обнаруживаетъ значенія всего института. Выказывается, что лишь „теперь для человѣка—иудея Богъ не есть невѣдомый Богъ“¹²³⁾. Безпричинно набрасывая тѣнь на все прошлое человѣческой исторіи, о. І. Вѣляевъ не менѣе безпощаденъ и къ настоящему, поелику „законъ Божій“ провозглашается у него „поводомъ для бого-

112) Стр. 259

113) Стр. 260.

114) Стр. 289—290.

115) Стр. 262.

116) Стр. 267.

117) Стр. 263.

118) Стр. 258.

119) Стр. 268—273.

120) Стр. 308—309.

121) Стр. 278.

122) Стр. 311.

123) Стр. 280.

борческой дѣятельности человѣка“, котораго онъ „поставилъ во враждебное отношеніе къ Богу“¹²⁴⁾, между тѣмъ „вѣдь законъ—все писаніе“¹²⁵⁾, а „среди евреевъ лишь въроско убѣжденіе, что законъ добръ“¹²⁶⁾. По другимъ своимъ вліяніямъ законъ рисуется тоже удивительно загадочнымъ. Вопреки прежнимъ замѣчаніямъ выражается, что „человѣкъ, только слишкомъ утомленный бесплодностію поисковъ, пожелалъ и согласился принять теоретическую законную праведность“, когда же послѣдняя изобличила его небороподобіе, онъ не замедлилъ „усмотрѣть тутъ великое оскорбленіе себя“¹²⁷⁾. Этотъ результатъ былъ безызвѣстнымъ¹²⁸⁾, разъ „нѣтъ основанія утверждать, чтобы хотя одинъ изъ подзаконниковъ былъ свободенъ отъ чувства оскорбленности законамъ“¹²⁹⁾. Отталкивающей безжизненностію своей мертвой системы¹³⁰⁾,—этотъ законъ вызываетъ „жажду противодѣйствія ему, жажду мщенія“¹³¹⁾, а изъ „мщенія за оскорбленія“ родилась „враждебность къ Богу“¹³²⁾ вмѣстѣ съ оппозиціонностію законничеству¹³³⁾. Всѣ эти ужасы мотивируются „уязвленною гордостію человѣка, мстящаго за чувство своей оскорбленности закономъ“¹³⁴⁾, но просто невозможно постигнуть такую яростную обидчивость, коль скоро человѣкъ самъ страстно искалъ законнической нормы, которая была дана въ самую удобную минуту въ качествѣ наилучшаго образца для регулированія человѣческой энергіи¹³⁵⁾. Казалось бы, средство вполне соответствуетъ цѣли, однако законъ фатально осуждалъ людей на проклятіе¹³⁶⁾, смиренное же принятіе его¹³⁷⁾ съ исповѣданіемъ духовной доброты¹³⁸⁾ почему-то возводится къ „горделивому заявленію сознанія мощныхъ силъ“¹³⁹⁾, которыя законъ сокрушаетъ безслѣдно¹⁴⁰⁾, тогда какъ былъ дарованъ для успѣшнаго ихъ приложенія. Эти частныя несообразности увѣнчиваются солидар-

124) Стр. 288.

125) Стр. 48.

126) Стр. 42.

127) Стр. 283.

128) Стр. 284, 288—291, 295, 312.

129) Стр. 284.

130) Стр. 316.

131) Стр. 285, 291, 295—296.

132) Стр. 290.

133) Стр. 293.

134) Стр. 295.

135) Стр. 274—276, 311, 324.

136) Стр. 294.

137) Стр. 294.

138) Стр. 296.

139) Стр. 298.

140) Стр. 306.

нѣмъ итогомъ. По автору, подзаконничество было путемъ къ вѣрѣ ¹⁴¹⁾. До этого случайнаго упоминанія—объ ней совсѣмъ не было рѣчи, и все-таки категорически защищается, что „последъзаконный выводъ“ былъ счастливымъ увѣщаніемъ всего подготовленія людей къ христіанскому избавленію ¹⁴²⁾, ибо „законъ привелъ подзаконниковъ ко Христу“ ¹⁴³⁾, будучи „переходною ступенью къ богоподобію въ вѣрѣ“ ¹⁴⁴⁾. По естественному порядку вещей,—вторая и должна бы натурально смѣнить первую, послѣдую оны стремилась къ ней, а она была удивленіемъ его запросовъ, потому что именно „на «последъзаконный выводъ» человѣка Богъ отвѣтилъ людямъ жизнью, смертію и воскресеніемъ Богочеловѣка—Христа. Въ выводѣ человѣкъ горько и безотрадно сознавался въ своемъ безсиліи достигнуть назначенія своими силами. На крестѣ ему дана была возможность приобрести всѣ необходимыя силы для осуществленія своего великаго назначенія“ ¹⁴⁵⁾. Получается взаимность всесовершеннаго согласія, но на дѣлѣ было совсѣмъ противное, что законничество и законники доселѣ остаются враждебными вѣрѣ Христовой и народъ іудейскій отказывается отъ нея ради своего номизма. Теорія не оправдывается исторіей и съ другой стороны, что „беззаконное“ язычество оказалось наиболѣе способнымъ къ усвоенію благовѣстія Христова.

Такимъ образомъ всѣ авторскіе „выводы“ не приводятъ къ намѣченной цѣли и пока вовсе не разъясняютъ историческаго достоинства фактора вѣры, для которой затушевывается и истинно оригинальная апостольская мысль, что на ней держалось даже все ветхозавѣтное домостроительство. Субъективное пониманіе ¹⁴⁶⁾ о. І. Вѣльева не приближаетъ къ темъ даже окошко, почему и дальше трактуется едва ли прямо на дѣло. Тутъ мы имѣемъ собственно описаніе подвига Христова ради спасенія людей ¹⁴⁷⁾—и опять съ нѣкоторыми особенностями. Такъ, касательно воплощенія чрезмѣрно выдвигается, что оно было нужно для живого примѣра ¹⁴⁸⁾. Наряду съ этимъ задача пришествія Сына Божія полагается въ устраненіи препятствій ¹⁴⁹⁾, заключавшихся въ оскорбленіи Божества, гнѣвъ Божиимъ и законъ Моисеевомъ ¹⁵⁰⁾, но послѣдній по результатамъ до точности совпадалъ съ райскою

¹⁴¹⁾ Стр. 305.

¹⁴²⁾ Стр. 306 сл.

¹⁴³⁾ Стр. 280.

¹⁴⁴⁾ Стр. 325, прим. 1.

¹⁴⁵⁾ Стр. 342.

¹⁴⁶⁾ Стр. 311.

¹⁴⁷⁾ Стр. 318—346.

¹⁴⁸⁾ Стр. 316—318, 329 сл.

¹⁴⁹⁾ Стр. 322.

¹⁵⁰⁾ Стр. 324—325, 329.

заповѣдью ¹⁵¹⁾, которую авторъ слишкомъ смѣло находитъ въ Рим. VII, 9 ¹⁵²⁾, а потому неостижима роль поаѣйшихъ стадій; напрасно отодвинувшия покушеніе. Упраздненный Господомъ грѣхъ почитается „актомъ воли человека“ ¹⁵³⁾ въ въ качествѣ „субстанціальной силы“ ¹⁵⁴⁾, хотя ранѣе онъ назывался „ошибкою мысли“ ¹⁵⁵⁾, потомъ объявляется общеніемъ съ бѣсами и даже „вселеніемъ князя міра сего“ ¹⁵⁶⁾. Жизнь Христа освѣщается съ той стороны, что Онъ былъ образцомъ законисполнительности для подражанія ¹⁵⁷⁾, когда апостолъ видѣлъ здѣсь принципиальное устраненіе законничества. Въ смерти Господней чрезмѣрно подчеркивается ея неизбежность по воспріятію человечества ¹⁵⁸⁾, между тѣмъ „подобіе плоти грѣховной“ требовало ея тоже лишь въ подобіи ¹⁵⁹⁾. Другіе моменты—уплаты за грѣхи ¹⁶⁰⁾, подтвержденія своего ученія ¹⁶¹⁾ и учрежденія завѣта ¹⁶²⁾—не очерчиваютъ апостольскихъ воззрѣній на голгоетское таинство, будучи чисто формальными или непригодными по юридическимъ отнѣхамъ.

Во всякомъ случаѣ въ завершеніи всего мы получаемъ, что подвигомъ Христовымъ было доставлено людямъ спасеніе, а воскресеніемъ обезпечивались необходимыя силы ¹⁶³⁾. Теперь все будетъ въ усвоеніи столь высокаго блага, и въ этомъ пунктѣ мы приближаемся къ темъ, потому что для состоятельности процесса рекомендуется объединеніе со Христомъ ¹⁶⁴⁾, совершаемое вѣрой ¹⁶⁵⁾. На дѣлѣ — искомымъ матеріямъ не обрѣтается, ибо о. І. Влѣневъ сообщаетъ намъ скорѣе объ устройствѣ церкви, при чемъ для „объединенія“ привлекаются іерархія ¹⁶⁶⁾ и таинства ¹⁶⁷⁾—съ первенствомъ крещенія ¹⁶⁸⁾. Значитъ, мы подошли къ вѣрѣ, но ничуть не коснулись жизни вѣры въ насъ и нашей въ вѣрѣ.

151) Стр. 324.

152) Стр. 327—328.

153) Стр. 325.

154) Стр. 326.

155) Стр. 261.

156) Стр. 327.

157) Стр. 331.

158) Стр. 332.

159) Стр. 334.

160) Стр. 333.

161) Стр. 338.

162) Стр. 339.

163) Стр. 340 сл.

164) Стр. 321.

165) Стр. 342 сл.

166) Стр. 345.

167) Стр. 346. 367 сл.

168) Стр. 334.

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ глава третья ¹⁶⁹⁾. Въ ней авторъ сразу допускаетъ разныя степени или мѣры вѣры ¹⁷⁰⁾. Это, конечно, неоправданно для субъективнаго ея достоинства при достиженіи чловѣкомъ оправданія, поскольку последнее бываетъ актомъ моментальнымъ и законченнымъ. Рѣчь, очевидно, уже о пребываніи въ вѣрѣ и объ оцѣнкѣ жизни соотвѣтственно ей. Въ своихъ классификаціяхъ о. І. Вѣляевъ даетъ полный просторъ схоластической изощренности, гдѣ виртуозность граничитъ съ фантастичностью. Онъ различаетъ „ступени“ по способамъ воспріятія—черезъ внѣшнія чувства, умъ, сердце и волю ¹⁷¹⁾—и для всѣхъ рубрикъ ухитряется подобрать апостольскіе тексты, допуская реальную обособленность подобныхъ вѣрѣ ¹⁷²⁾ или хотя ихъ хронологическую преемственность ¹⁷³⁾, при чемъ все разграниченіе признается искусственнымъ, созерцательнымъ ¹⁷⁴⁾. Это истинно и для соображеній на основаніи апостольскихъ аналогій съ физически-органической жизнью чловѣка ¹⁷⁵⁾. Волѣе важности усвоается расчлененіемъ „цистеологическаго процесса“ по началу, продолженію и концу ¹⁷⁶⁾, когда намъ представляется „богоуподобяюще—привременная, теоморфизированно-привременная классификація степеней, возрастовъ или періодовъ извѣстнаго процесса или вѣры“ въ параллель вышеупомянутой „антропоморфизированной классификаціи“ ¹⁷⁷⁾. Съ этой точки зрѣнія выдѣляются четыре періода—естественнаго вселенія Христа, земнаго христоподобія, небснаго христоподобія по смерти до откровенія царства славы и въ немъ богоподобнаго обожествленія ¹⁷⁸⁾. Затѣмъ всѣ эти стадіи описываются детально ¹⁷⁹⁾. И для этого трактата констатируется его всецѣлая субъективность ¹⁸⁰⁾. Это само собою ясно для всякаго, и сущность вопроса заключается не въ этомъ. Изъ перечисленныхъ періодовъ авторъ больше сосредоточивается на второмъ, слабо затрогивая другіе. Первый бываетъ лишь предуготовительнымъ ¹⁸¹⁾, и на немъ „чловѣкъ остается самимъ собою“ ¹⁸²⁾, откуда вытекаетъ, что вѣра оправдывающая пока

¹⁶⁹⁾ Стр. 346—391.

¹⁷⁰⁾ Стр. 346—347.

¹⁷¹⁾ Стр. 347—355.

¹⁷²⁾ Стр. 352—353.

¹⁷³⁾ Стр. 354.

¹⁷⁴⁾ Стр. 355.

¹⁷⁵⁾ Стр. 355—358.

¹⁷⁶⁾ Стр. 358 сл.

¹⁷⁷⁾ Стр. 359.

¹⁷⁸⁾ Стр. 359—362.

¹⁷⁹⁾ Стр. 362—391.

¹⁸⁰⁾ Стр. 391.

¹⁸¹⁾ Стр. 359.

¹⁸²⁾ Стр. 366.

не называла и функционировать. Конечно, „въ этомъ періодѣ происходитъ живое интеллектуальное, сердечное, дѣятельное вселеніе Христа. Впрочемъ, это еще не совершившійся фактъ, а только фактъ *in potentia*, фактъ въ тенденціи“¹⁸³). „Вселенія Христа въ субъектъ еще не совершилось: онъ живетъ и пользуется еще естественными силами и средствами для вселенія въ себя Христа... но это еще не реальное вселеніе Христа въ человѣкѣ“¹⁸⁴). Слѣдовательно, это почти простая теоретическая фикція, и о. І. Бѣляевъ обосновываетъ ее искусственными экзегетическими натяжками, если „воображеніе Христа“ (Гал. IV, 19), приравнивая къ рожденію“¹⁸⁵), произвольно приурочиваетъ¹⁸⁶) къ моменту возникновенія благодатнаго бытія, между тѣмъ въ немъ захватывается весь процессъ христуподобленія до самаго завершения, гдѣ вѣрующій дѣлается уже „образомъ“ Христовымъ. Третій и четвертый періоды недоступны нашему вѣдѣнію и у автора больше упоминаются съ привлеченіемъ нѣкоторыхъ апостольскихъ текстовъ, иногда тоже насильственнымъ. Напротивъ, второй обсуждается пространно, но трактуется собственно о тайнствахъ и опять не безъ оригинальностей въ видѣ той, что „въ евхаристіи своеобразно повторяется таинство крещенія“¹⁸⁷), и „то обстоятельство, что человѣкъ можетъ приступить къ таинству, напр., крещенія, ясно говоритъ“, будто „реально-сакраментальный человѣкъ можетъ грѣшить и умирать, физически-естественный можетъ быть святымъ и жить“¹⁸⁸). Вопросъ о вѣрѣ совсѣмъ исчезаетъ изъ вниманія, и самъ о. І. Бѣляевъ впалъ по этому поводу въ такое недоумѣніе, что въ концѣ книги¹⁸⁹)—безъ всякихъ предвареній и безъ малѣйшей связи—возбуждаетъ вопросъ: „не противорѣчить ли теоморфизированно-привременная классификація степеней вѣры ученію апостола, что нѣкогда вѣра и надежда оправданы?“ Отвѣтъ дается не очень вразумительный, что „до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать міръ, пока будутъ жить люди, несомнѣнно вѣра будетъ существовать“, а потомъ упоминается именно объ упраздненіи вѣры, хотя человѣчество, конечно, не уничтожится, пребывая въ прославленіи или осужденіи.

Во всякомъ случаѣ дѣйствій самой вѣры мы не видимъ, и ихъ не показываетъ намъ четвертая (и послѣдняя) глава¹⁹⁰).

¹⁸³) Стр. 359.

¹⁸⁴) Стр. 366.

¹⁸⁵) Стр. 356. Въ другомъ мѣстѣ—наоборотъ—говорится (стр. 381), что „воображеніе Христа въ человѣкѣ (Гал. IV, 19) смыяется рожденіемъ вѣрующаго во Христа“.

¹⁸⁶) Стр. 359.

¹⁸⁷) Стр. 371.

¹⁸⁸) Стр. 372.

¹⁸⁹) Стр. 480—482.

¹⁹⁰) Стр. 392—410.

Въ ней должна быть рѣчь „о плодахъ вѣры христіанской“, фактически же почти повторяется прежнее описаніе періодовъ съ оттѣненіемъ тѣхъ благъ, которыя почерпаются человекомъ въ каждомъ изъ нихъ—при „воображеніи Христа“, при дѣйствіи таинствъ и т. д. Новостію является развѣ то, что теперь о. І. Вѣляевъ перечисляетъ ¹⁹¹⁾ плоды и четвертой стадіи, которую ранѣе находилъ ¹⁹²⁾ превосходящею человеческое достиженіе. Понятно, что всѣмъ этимъ участіе вѣры въ жизни христіанской нисколько не раскрывается, и мы не получаемъ разъясненій по самымъ важнѣйшимъ пунктамъ. Если чрезъ вѣру вызывается христіанское бытіе, то безспорно, что она непрерывно продолжаетъ вліять и на все дальнѣйшее теченіе, которое безъ этого уже не было бы вѣрующимъ. Авторъ неправильно истолковалъ ¹⁹³⁾ апостольское выраженіе (Рим. I, 17) „отъ вѣры въ вѣру“ въ смыслѣ разныхъ степеней или мѣръ вѣры, когда оно констатируетъ, что при усвоеніи правды Божіей человекъ всегда и вездѣ движется въ области вѣры. Посему и нужно было отчетливо изобразить, какъ именно функционируетъ послѣдняя. При этомъ само собою должно было освѣщаться качество участія вѣры по соотношенію съ другими христіанскими обнаруженіями, а выѣтъ съ тѣмъ устранялись бы недоумѣнія насчетъ вѣчной сохраняемости одной лишь любви съ исчезновеніемъ вѣры. Въ этомъ случаѣ о. І. Вѣляевъ скорѣе затрудняетъ рѣшеніе задачи категорическимъ утвержденіемъ, будто вѣра (всегда и принципиально) больше и шире жизни ¹⁹⁴⁾, забывая, что вторая можетъ поглощать первую и быть всецѣло вѣрующею, въ чемъ заключается истинный христіанскій идеалъ. При неясности качества бываетъ тусклою и степень участія вѣры наряду съ иными факторами. Особенно это необходимо сказать о Духѣ Св. Къ Нему собственно сводится вся рѣчь авторская о „періодѣ земного хриstopодобія“. Здѣсь все вращается около таинственно-саkраментальнаго освященія. Вѣра какъ бы совсѣмъ ступенывается и подавляется. И тѣмъ обязательнѣе было точно формулировать ея соотношеніе къ Духу Св., что по этому предмету допускается ¹⁹⁵⁾ у апостола двойственность возрѣній, разнородныхъ и несогласованныхъ, частію удерживающихъ старыя концепціи и частію оригинально-новаторскихъ. Одновременно съ объективнымъ истолкованіемъ доктрины этимъ ограждалось бы и внутреннее ея достоинство по условіямъ происхожденія и по связи съ Евангеліемъ Христа и ученіемъ прочихъ новозавѣтныхъ писателей.

¹⁹¹⁾ Стр. 409—410.

¹⁹²⁾ Стр. 890—891.

¹⁹³⁾ Стр. 846.

¹⁹⁴⁾ Стр. 167.

¹⁹⁵⁾ Напр., послѣдніе другіхъ (въ 1901-мъ году) и особенно *M. Geffken*'омъ.

Мы видимъ, что о. прот. Вѣляевъ не выдѣляетъ рельефа фактора вѣры и простираетъ ее на все христіанское бытіе. Естественно, что въ вѣроу ничего не закрѣпляется съ исключительностію, какъ свойственное именно ей индивидуально. Въ результатъ выходитъ, что—неотчетливая съ субъективной стороны—вѣра оказывается смутною у автора и по своему объективному содержанію. Но если по первому вопросу у Апостола все создается на понятіи благодати или восприняемаго вѣроу дара, то послѣднимъ прямо очерчивается и второй, объективный, моментъ, ибо такимъ даромъ служить наше тѣснѣйшее объединеніе въ вѣрѣ со Христомъ до того, что, сливаясь съ Сыномъ Божиимъ, мы и сами становимся чадами Божиими со всѣми необходимыми плодами и привилегіями. Значитъ, субъективно сочетаясь съ благодатію, объективно *вѣра христіанская нерасторжима отъ богосыновства*. Эти моменты съ отчетливостію выступаютъ въ ученіи св. Павла, какъ они были главнѣйшими въ его благовѣстіи и вообще. О. прот. Вѣляевъ заслоняетъ ихъ, и потому его характеристика оказывается слишкомъ широкою, не выражающею типическихъ чертъ собственнаго созерцанія апостола языковъ. Въ этомъ убѣждаетъ новое прибавленіе ¹⁹⁶⁾, гдѣ—опять безъ связи съ предыдущимъ (даже послѣ примѣчаній) и безъ соотношенія съ частями сочиненія—представляется сравненіе новозавѣтныхъ доктринъ насчетъ вѣры. Авторъ ухитряется отыскать воъ (принимаемые имъ) павлинистическіе элементы у Христа и другихъ апостоловъ съ обычною виртуозностію, извлекая ¹⁹⁷⁾ изъ Мс. VIII, 26 („что вы такъ боязливы, маловѣрные“?), что въ вѣрѣ участвуетъ воля. Эта солидарность свидѣтельствуется только объ отвлеченной безличности авторской формулы, если она бываетъ одинаково пригодною и для посланія Іуды ¹⁹⁸⁾. Все индивидуальное сплаживается и исчезаетъ настолько, что Павлова схема дѣликомъ прилагается къ Іакову ¹⁹⁹⁾ безъ малѣйшихъ помышленій о тѣхъ трудностяхъ, которыя господствуютъ по этому пункту въ наукѣ и церковномъ исповѣданіи.

Подобная эластичность—въ свою очередь—подтверждаетъ, что о. прот. Вѣляевъ, предлагая собственное построеніе ученія о вѣрѣ на основаніи апостольскихъ изреченій, не далъ намъ самого апостольскаго пониманія вѣры по ея субъективному дѣйствию и по объективному содержанію. Специальная задача работы остается невыполненною, и это согласуется съ аргументированною нами истиной, что, уклонившись отъ библейско-богословскихъ требованій, о. І. Вѣляевъ избралъ ошибочный

¹⁹⁶⁾ Стр. 467—480.

¹⁹⁷⁾ Стр. 471.

¹⁹⁸⁾ Стр. 478—479.

¹⁹⁹⁾ Стр. 474—475

методъ. Поэтому и вышло, что онъ рекомендуетъ намъ свои личныя воззрѣнія, когда для всѣхъ нужны и важны лишь подлинно апостольскія во всей ихъ неприкосновенности. Отсюда и экзегетическій анализъ, главенствующій въ библейско-богословскихъ трудахъ, приобрѣлъ своеобразность, часто отнимающую у него истинное значеніе. Тутъ встрѣчаются иногда явныя ошибки: напр., подъ „симъ городомъ“ Дѣян. XXII, 3 разумѣется Тарсъ, куда попадаетъ и Гамалииль ²⁰⁰), хотя самоочевидно, что мыслится Іерусалимъ; къ народу иудейскому словно бы причисляется и самарянка ²⁰¹); заключеніе подъ стражу закона Гал. III, 23 относится исключительно къ порабощенности осужденія ²⁰²); возгласъ Савловъ „Господи“ (Дѣян. IX, 5) толкуется единственно и прямо въ примѣненіи къ божеству ²⁰³); упоминается о бесѣдахъ Павловыхъ со Христомъ въ связи съ небесными восхожденіями ²⁰⁴), о которыхъ говорится, что они „ознакомили Апостола съ сущностію христіанства, а „восхищенные состоянія“ непередаваемы человѣческимъ словомъ ²⁰⁵); въ Гал. V, 18 неосновательно (см. V, 1) усматривается лишь естественная свобода человѣческая ²⁰⁶). При этомъ авторъ заранѣе устраняетъ „письменные дебаты“ о подлинности Павловыхъ писаній ²⁰⁷), между тѣмъ послѣ безъ всякихъ побужденій поднимаетъ вопросъ о первоначальномъ языкѣ посланія къ Евреямъ ²⁰⁸) и даже свидѣтельствуетъ, что „только тогда можно установить болѣе или менѣе правильное пониманіе ученія Ап. Павла о *πίστις*, если мы ранѣе будемъ увѣрены, что посланія, на основаніи которыхъ предлагается извѣстное пониманіе *πίστις*, дѣйствительно превосходятъ отъ Ап. Павла. Поэтому вопросы о пониманіи *πίστις* у Ап. Павла и о подлинности его посланій имѣютъ ближайшее взаимоотношеніе“ ²⁰⁹). Всѣ эти и подобныя частности говорятъ лишь о томъ, что о. І. Вѣляевъ мало интересуется собственно экзегетическимъ разборомъ, хотя иногда обременяетъ книгу излишними справками — о „нездѣдомомъ Богѣ“ аеинявъ ²¹⁰), о томъ, что явившійся св. Павлу въ Троадѣ въ видѣннн македонянинъ не обыкновенный чело-вѣкъ ²¹¹), и пр. Все это сказывается и въ обращеніи съ экзе-

²⁰⁰) Стр. 10, 44.

²⁰¹) Стр. 25.

²⁰²) Стр. 50, 51.

²⁰³) Стр. 82 и 417 въ прим. 3.

²⁰⁴) Стр. 132.

²⁰⁵) Стр. 438 и ср. 132. См. и выше къ прим. 14 на стр. 687.

²⁰⁶) Стр. 366. Ср. еще къ прим. 11, 152, 198, на стр. 687, 705, 708.

²⁰⁷) Стр. 6.

²⁰⁸) Стр. 416 въ прим. 15.

²⁰⁹) Стр. 415—416.

²¹⁰) Стр. 442—443.

²¹¹) Стр. 417—418.

гетическимъ матеріаломъ. Для обсуждаемыхъ апостольскихъ текстовъ обыкновенно подыскиваются и выписываются мѣстныя древнихъ и новѣйшихъ писателей, часто въ изобиліи и на подлинныхъ языкахъ. Въ трудныхъ мѣстахъ получается немалое разнообразіе и даже несогласіе въ толкованіяхъ. Однако въ большинствѣ случаевъ о. прот. Вѣляевъ не пытается критическою оцѣнкой достигнуть вѣроятнѣйшаго пониманія для взятаго апостольскаго выраженія и охотно принимаетъ всѣ оттѣнки, какъ будто его схема вмѣщаетъ все, что угодно. По временамъ же авторъ предпочитаетъ личные размышленія и пускается въ схоластическія утонченности. Такъ, въ Евр. XI, 3 *πίστις* и *υοοβίευ* разсматриваются ²¹²⁾ взаимно въ положеніяхъ *prius* и *posterius* или въ качествѣ *res contemporales*, для чего изобрѣтается *dativus contemporantiae*, а въ концѣ прибавляется ²¹³⁾, что все это не реально...

Вездѣ трактуется больше по поводу апостольскихъ свидѣтельствъ, чѣмъ объ нихъ самихъ, и о. І. Вѣляева занимаетъ лишь своя отвлеченная система, которую онъ готовъ примѣнить ко всякому авторитету, ибо послѣдній нуженъ ему развѣ только для точки отправленія. Этимъ мотивируется и особое отношеніе къ пособіямъ. Для своего спеціальнаго предмета изслѣдователь жалуется на малочисленность трудовъ ²¹⁴⁾ и привлеченіе обширной литературы считаетъ излишнимъ для дѣла ²¹⁵⁾. Умалчивая о пропускахъ въ библиографіи, мы должны замѣтить, что авторъ самъ виноватъ въ книжной скудости, когда отрѣшилъ свою тему отъ свойственной ей библейско-богословской почвы и отнялъ у себя литературныя сокровища послѣдней по краткости упоминанія въ нихъ о вѣрѣ ²¹⁶⁾, хотя шаткость такого соображенія достаточно опровергается извѣстнымъ намъ собственнымъ заявленіемъ, что все богословіе Павлово есть пистеология ²¹⁷⁾. За всѣмъ тѣмъ о. І. Вѣляевъ ваводитъ на себя напраслину. Онъ прочиталъ много и въ особомъ „алфавитномъ перечнѣ произведеній“ отмѣчаетъ ²¹⁸⁾ 99 отдѣльныхъ сочиненій, въ своей работѣ приводитъ ихъ часто и используетъ немало, — впрочемъ, больше механически — путемъ выписокъ, далеко не всегда нужныхъ. Пренебрежительность авторская ничѣмъ не оправдывается, и потому она осталась далеко небезвредной. При внимательности ко всей совокупности соответствующей литературы о. прот. Вѣляевъ скорѣе нашелъ бы истинное научно-плодотворное положеніе для своего вопроса, который получилъ бы

²¹²⁾ Стр. 158 сл.

²¹³⁾ Стр. 160—161.

²¹⁴⁾ Стр. 4, 6.

²¹⁵⁾ Стр. 7.

²¹⁶⁾ Стр. 6.

²¹⁷⁾ Стр. 248. Ср. выше къ прим. 150, на стр. 704.

²¹⁸⁾ Стр. 411—414.

тогда болѣе правильную постановку и объективное теченіе. При этомъ литературное изученіе дало бы независимый фундаментъ для построеній и чрезъ объединеніе всѣхъ главнѣйшихъ воззрѣній открывало возможность двинуться впередъ самому или облегчить чрезъ это просторъ для другихъ. Теперь же литературный багажъ бываетъ для книги совершенно мертвымъ матеріаломъ и часто теряетъ свою цѣнность для пользованія въ субъективномъ освѣщеніи и примѣненіи.

Заслуживаетъ нѣсколькихъ замѣчаній и самая рѣчь автора. Онъ любитъ сочинять свои словечки—избранность ²¹⁹), савинизмъ ²²⁰), одноэлементность ²²¹), имплицитарность ²²²), модусность, модусированный, модусированіе ²²³), конкретизація ²²⁴), абстрагированный ²²⁵), результатный, результатность ²²⁶), анализація ²²⁷), совѣстный ²²⁸), метаморфозироваться ²²⁹), мистически ²³⁰), третьенебесный восхищенникъ ²³¹), огрѣшеніе ²³²). —но не всегда точно употребляетъ даже принятые термины и, напр., иудаистомъ ошибочно называетъ иудея ²³³). Изобилуютъ вычурныя сочетанія въ родѣ—привлекательнаго диктаторства разсудка въ жизни ²³⁴), неувядаемыхъ сѣмянъ ²³⁵), огненного существа ²³⁶), горящаго чувства ²³⁷), орлиного могучаго характера ²³⁸), исторической и психологической глубины человечества ²³⁹). Вся фразеологія искусственная и напыщенная. Вотъ образцы: „въ золото человѣческой личности Савла привзошла благодать Вожія“ ²⁴⁰); „дѣйствія благодати въ человѣческое совершенство Апостола вливаютъ токи божественнаго воздѣйствія и устроенія человѣческой личности

²¹⁹) Стр. 9, 13, 17, 19 и др.

²²⁰) Стр. 68.

²²¹) Стр. 133, 139.

²²²) Стр. 185.

²²³) Стр. 186, 211, 212, 213.

²²⁴) Стр. 210, 243.

²²⁵) Стр. 220.

²²⁶) Стр. 225, 301.

²²⁷) Стр. 299.

²²⁸) Стр. 273.

²²⁹) Стр. 349, 351.

²³⁰) Стр. 367.

²³¹) Стр. 132, 254, 391.

²³²) Стр. 443.

²³³) Стр. 64.

²³⁴) Стр. 28.

²³⁵) Стр. 35.

²³⁶) Стр. 44.

²³⁷) Стр. 45.

²³⁸) Стр. 45.

²³⁹) Стр. 254.

²⁴⁰) Стр. 17.

во благо ея и входящихъ въ общеніе съ нею“²⁴¹); „идеалы и возможные требованія идеаловъ въ сферѣ указанныхъ факторовъ“²⁴²); „народныя чаянія... своею массовою многочисленностію и тяжеловѣсностію только утверждали непоколебимость, высоту и желанность осуществленія идеаловъ“²⁴³); „среди цвѣтовъ и благоуханій роскоши она (эпикурейская философія) преподносила ему (Савлу) открытую чашу, наполненную яствами и питіями, съ надписью: станемъ ѣсть и пить; ибо завтра умремъ“ (1 Кор. XV, 32)²⁴⁴); „душа Савла не могла отвѣтить съ восторгомъ рѣшенной загадки“²⁴⁵); „идеалъ... закигалъ надъ головою человѣка вѣнецъ безсмертія и богоподобія, вѣнецъ величія и лучезарнаго отблеска Божественной славы“²⁴⁶); „завѣты и кровь предковъ и всего народа еврейскаго оказали свое неотразимое вліяніе на весь духовный организмъ Савла“²⁴⁷); „Савлъ жилъ въ области душевнаго человѣка“²⁴⁸); „въ Апостолѣ Павлѣ центръ его личности не былъ только центромъ великой человѣческой личности, но и центромъ благодатственной личности, указаннымъ свыше, и проведеннымъ въ жизнь всего міра при непосредственномъ воздѣйствіи Бога“²⁴⁹). „воспоминаніе о видѣнномъ имъ раѣ и пакости ангела сатаны постоянно возбуждали(о) Апостола къ дѣятельной жизни въ мірѣ видѣній“²⁵⁰) или „въ мірѣ вышестественномъ“²⁵¹); св. Павлу усвоается „олицетворительное мышленіе“, что „онъ мыслить Христомъ, состояніями Христа, рассматриваетъ все чрезъ призму личности Христа“²⁵²). Наряду съ этимъ вездѣ и явно господствуетъ непостижимая склонность къ предпочтенію иностранной терминологіи, даковинныя примѣры которой намъ уже встрѣчались не разъ. Въ общемъ, все изложеніе—неуклюжее, тяжелое, запутанное и затрудняющее пониманіе авторскихъ мыслей, а въ связи съ нерѣдкою неясностію послѣднихъ все это является немалымъ препятствіемъ къ ознакомленію съ предметомъ.

Было бы несправедливо умолчать и о достоинствахъ сочиненія. Авторъ потрудился много, ревностно и съ самопреданностію,—и здѣсь мы видимъ этическій подвигъ высокой субъективной дѣятельности. Но это выходитъ изъ предѣловъ на-

²⁴¹) Стр. 19.

²⁴²) Стр. 21.

²⁴³) Стр. 25.

²⁴⁴) Стр. 27.

²⁴⁵) Стр. 27.

²⁴⁶) Стр. 49.

²⁴⁷) Стр. 53.

²⁴⁸) Стр. 65.

²⁴⁹) Стр. 87.

²⁵⁰) Стр. 92.

²⁵¹) Стр. 106.

²⁵²) Стр. 435.

шей рецензентской компетенціи, и теперь мы призваны судить лишь о результатѣ, а не о процессѣ. Съ другой стороны не менѣе безспорна энергія авторской мысли, логически острой и изобрѣтательной. Однако и эти несомнѣнные преимущества въ настоящемъ случаѣ не помогаютъ научному успѣху, ибо тонкое логическое плетеніе, напоминающее паутину, больше граничитъ съ схоластическою изощренностію и окутываетъ предметъ искусственными узорами, скорѣе закрывая, чѣмъ обнаруживая его въ подлинныхъ очертаніяхъ.

Значитъ, всѣ эти цѣнныя качества не нашли плодотворнаго приложенія въ рассматриваемой книгѣ, и для нея мы должны констатировать, что въ ней вопросъ поставленъ и разбирается безъ соответствія съ научными библейско-богословскими требованіями и не получаетъ точнаго отвѣта по отношенію къ субъективной сторонѣ и объективному содержанію вѣры—оправдывающей и спасающей—по ученію св. апостола Павла. Посему нельзя не пожалѣть, что столь многообѣщавшее и усердное сочиненіе приноситъ намъ такъ мало положительныхъ плодовъ.

Н. Н.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки